
ПРИРОДА, ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН (к 100-летию начала Гражданской войны в России)

Стожко Д. К.*

В статье рассмотрены общие и особенные признаки гражданских войн, их природа и специфика в контексте конкретных исторических эпох. С социально-философских позиций выявлены экзогенные и эндогенные факторы, детерминирующие переход социальной нестабильности в фазу гражданской войны. Сформулирован тезис о возрастающем значении экзогенных факторов в происхождении современных гражданских войн и их пролонгированного характера.

В качестве фундаментальных философских оснований гражданской войны как острейшей фазы социального конфликта сформулированы положения об утрате населением доверия к власти и социальной ответственности власти перед обществом.

Ключевые слова: революция, гражданская война, военный коммунизм, раскол, социальный конфликт.

The article examines general and specific features of civil wars, their nature and specificity in the context of specific historical epochs. From the socio-philosophical standpoint, exogenous and endogenous factors that determine the transition of social instability to the phase of civil war are revealed. The thesis about the increasing importance of exogenous factors in the origin of modern civil wars and their prolonged nature is formulated.

The author formulates the provisions on the loss of the population's trust in power and the social responsibility of the authorities to society as the fundamental philosophical foundations of civil war as the most acute phase of social conflict.

Keywords: revolution, civil war, military communism, split, social conflict.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена ростом числа военных конфликтов в мире и изменением характера гражданских войн в условиях современного глобализма. Будучи своеобразной формой военного противоборства и социального конфликта, гражданская война является угрозой национальной безопасности для любой страны. Необходимость предотвращения подобных конфликтов прописана в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Стратегия...: 1–5].

---

* Стожко Дмитрий Константинович – к. филос. н., доцент кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета. E-mail: d.k.stozhko@mail.ru.

В современной науке используются различные термины для обозначения социальной нестабильности и военных (вооруженных) конфликтов: «восстание», «бунт», «революция», «гражданская война», «смута», «гибридная война» и т. д. Все они отражают ту или иную сторону острейших социальных конфликтов, которые периодически сотрясают разные страны, народы и цивилизации. При этом гражданская война как таковая – это своего рода *цивилизационное столкновение*. Но в отличие от других войн это столкновение происходит внутри одного государства, одной страны, внутри единого, с формальной точки зрения, политического пространства. Причинами такого *цивилизационного столкновения* могут быть этнополитические, культурные, экономические, идеологические и иные противоречия в фазе их обострения. Рассматривая различные парадигмы в развитии цивилизаций, некоторые исследователи (Дж. Бьюкенен, И. Пригожин, Э. Тоффлер, С. Хантингтон и др.) сегодня выделяют новую (четвертую) парадигму такого развития – *хаос*. Эта парадигма в развитии общества становится результатом неэффективности прежних сценариев развития.

«Ослабление государств и появление “обанкротившихся стран” наводит на мысль о всемирной анархии как четвертой модели. Главные идеи этой парадигмы: исчезновение государственной власти; распад государств; усиление межплеменных, этнических и религиозных конфликтов; появление международных криминальных мафиозных структур; рост числа беженцев до десятков миллионов; распространение ядерного и других видов оружия массового поражения; расплозание терроризма; повседневная резня и этнические чистки» [Хантингтон 2003: 37–38].

Гражданская война в России также напоминала описанный хаос, связанный с распадом государства, массовой гибелью населения и миллионами беженцев. Разве что тогда не было еще ядерного оружия. И до сих пор эта война продолжает оставаться одним из важнейших событий нашей новейшей истории.

Вопрос о характере и временных рамках новой парадигмы остается все еще слабо исследованным. Дело в том, что хаос может быть спонтанным, стихийным, а может быть спланированным, запрограммированным. Сингулярность хаоса, который в своем развитии проходит точку невозврата к прежней ситуации, также требует серьезного анализа. Прежде всего в отношении роли экзогенных и эндогенных факторов, оказывающих свое влияние на развитие ситуации. Новая реальность, как ее называют современные исследователи, это реальность глобализма и информационной революции. В этой новой реальности соотношение отмеченных выше факторов и их влияние на развитие социальной нестабильности принципиально меняются. Если раньше решающим условием развития социальной нестабильности и ее перерастания в фазу гражданской войны служил эндогенный (внутренний) фактор, то теперь таким решающим обстоятельством оказывается часто экзогенный (внешний) фактор. Он может быть сопряжен либо с имплицитным (немилитаристским) негативным воздействием на конкретный социум (этнос) извне, либо с прямым (милитаристским) внешним воздействием на него.

Примерами имплицитного влияния на ситуацию служат различные санкции (эмбарго, мораторий, блокады, торговые войны, товарные интервенции, саботаж, секвестр и пр.). Они способствуют ухудшению ситуации в стране, в отношении которой используются. Это может привести к острой фазе социальной нестабильности и гражданской войне.

Примерами прямого (милитаристского) воздействия на ситуацию могут служить прямые иностранные интервенции XX столетия в Афганистане, Вьетнаме, Лаосе, Ливии, Ираке, Сирии и других странах. Так, в 1983 г. США вторглись на Гренаду, где незаконно свергли, а затем убили президента М. Бишопа. Другой факт: вторжение США в 1989 г. в Панаму, где был захвачен и вывезен на территорию Соединенных Штатов лидер страны М. Норьега. Старается не отстать от США и их ближайший союзник Великобритания. Можно вспомнить о попытках ее вмешательства и расшатывания ситуации в России. Например, о заговоре Р. Локарта (1918), а также о деятельности английского разведчика С. Рейли. Спустя сорок лет Великобритания инспирировала конголезский кризис, агентами ее разведки был убит премьер-министр Демократической Республики Конго П. Лумумба (1961). И таких примеров внешнего воздействия на внутривосточную ситуацию можно привести десятки.

Факт, что гражданские войны в современных условиях все чаще носят запрограммированный и даже спровоцированный характер. Они превращаются в затяжной и разрушительный механизм деградации той или иной цивилизации. Все это объясняется растущей недобросовестной конкуренцией между различными странами в экономике (на мировых рынках – за источники сырья, рынки сбыта и т. д.) и в политике, которая, как известно, сама является «концентрированным выражением экономики».

Примерами вызревания активной роли именно экзогенных факторов полна вся мировая и российская история. Ярким примером этого является ликвидация Советского Союза, в связи с чем можно многое сказать о практике предоставления зарубежных грантов разным политическим персоналиям и институтам внутри страны.

Возникает вопрос: удалось ли при этом избежать гражданской войны? Или две чеченские войны, гражданские войны в Грузии и на Украине, этнические конфликты в Карабахе и Киргизии, ситуация в Приднестровье – это все звенья одной вялотекущей имплицитной гражданской войны нового типа? Ответ может быть дан только с учетом особенностей современной «новой реальности». А она связана с так называемыми информационными войнами, «цветными революциями», гибридными войнами, которые предшествуют современным гражданским войнам или опосредуют их. Именно такая гибридная война ведется сегодня против России [Марков 2015]. Морфология современных войн становится все более многообразной: появились термины «кибервойны», «медиавойны», «сетевые войны» [Мехтиева 2017: 86], «когнитивные войны» [Репко 2013], «информационно-психологические войны» [Информационно-психологическая... 2017: 14–58] и др.

В начале XX столетия в России усиливаются противоречия, которые накапливались в течение всей ее предшествующей истории. Образуются и действуют политические партии, которые по-разному видят новую Россию после свержения монархии, некоторые пытаются сохранить старый уклад. Наблюдается так называемый кумулятивный эффект, когда разного рода события (царский Манифест 1905 г., проигранная Русско-японская война, революция 1905–1907 гг., Первая мировая война и т. д.) постепенно настолько дестабилизировали внутреннюю ситуацию в стране, что точка невозврата оказалась пройденной.

Сегодня сложно судить о том, когда и как еще можно было предотвратить Гражданскую войну в России и имелись ли такие социальные силы в стране. Была

ли Октябрьская революция 1917 г. таким поворотным моментом, ввергшим российское общество в Гражданскую войну, или даже после нее все еще «могло обойтись», не будь разогнано большевиками Учредительное собрание. История, как известно, не знает сослагательного наклонения.

Ясно одно: гибель монархии, а затем и недееспособность Временного правительства, Октябрьская революция 1917 г. и разгон Учредительного собрания в 1918 г. послужили катализатором к Гражданской войне. Но и о внешнем (экзогенном) факторе, о прямом вмешательстве в развитие ситуации извне также забывать не следует [Стожко, Благодатских 2017: 36–42].

Полагать, что суть гражданской войны сводится исключительно к борьбе за политическую власть – значит упрощать саму природу такой войны. Борьба за политическую власть может осуществляться и вполне мирными способами (выборы в парламент, избрание главы государства, выборы в муниципальные структуры, применение процедур импичмента, отзыва депутатов, лишения неприкосновенности и другие демократические инструменты). Вместе с тем и недооценивать факт такой борьбы за власть в контексте гражданских войн нельзя.

В борьбе против советской власти в России активно выступило не только Белое движение, в основном состоявшее из офицеров старой армии и активно поддерживаемое интервентами, но и казачество, духовенство, представители делового мира России, значительные массы крестьянства. Не случайно крестьянское сословие рассматривалось советской властью как «мелкобуржуазная стихия», которую надлежало в целом «нейтрализовать». Для этого крестьянское сословие предлагалось разделить на разные категории и противопоставить их друг другу: кулаки (богатые крестьяне) – враги советской власти, середняки – «временные попутчики», а бедняки (сельские пролетарии) – союзники. Любые попытки объединительного характера воспринимались как утопия. А «цель создания государства-коммуны отражала утопические устремления большевизма» [Коэн 1998: 105].

Поэтому когда некоторые историки возлагают инициативу развязывания Гражданской войны в России исключительно на Белое движение и примкнувшие к нему социальные силы, они лукавят. Советская власть со своей стороны немало поспособствовала развязыванию Гражданской войны в России. Даже когда в январе 1919 г. президент США В. Вильсон выступил с идеей созвать международную мирную конференцию по России, в которой приняли бы участие все политические силы страны, из этого «ничего не получилось» [Троцкий 1991: 347].

Гражданская война и военная интервенция 1918–1920 гг. в России по общему определению – это не только вооруженная борьба за политическую власть, но и борьба за национальные богатства страны, осуществлявшаяся между представителями различных классов, социальных слоев и групп бывшей Российской империи при участии внешних сил. Со своей стороны, Россия в лице советской власти также стремилась в рамках перманентной мировой революции упрочить свое положение в мире, что следует рассматривать в контексте причин и условий, обусловивших хронологию Гражданской войны. Даже после провала наступления Красной армии на Польшу, гибели Венгерской и Баварской республик советская власть продолжала исходить из необходимости расширения своего жизненного пространства и перманентной мировой революции. В частности, в 1919 г. Л. Д. Троцкий утверждал, что «дорога на Индию может оказаться для нас в дан-

ный момент более проходимой, чем дорога в Советскую Венгрию» [Архив... 1990: 182].

Идея превращения империалистической войны в войну гражданскую, выдвигнутая В. И. Лениным, имела далекоидущие последствия, связанные с распространением гражданской войны и в других странах.

Общее и особенное

Конечно же, приведенное выше определение гражданской войны не открывает нам полной картины этого явления. Но главное звено в данном определении – это непримиримое противостояние различных социальных сил внутри одной страны, а также противостояния между государством (действующим на конкретный момент времени) и обществом. Но на этом общее в понимании причин, характера и последствий гражданских войн не заканчивается.

Гражданские войны возникали во многих странах, независимо или, наоборот, в зависимости от особенностей того или иного политического режима, поэтому их очень непросто сравнить друг с другом. Но «подобные сопоставления, несомненно, интересны и небесполезны. Каждая гражданская война – в каждом обществе и на определенном историческом этапе – имеет присущее только ей своеобразие, военные, политические, социальные и другие характеристики» [Голдин 2006: 66–75].

На текущий момент существуют разные теоретико-методологические подходы к изучению Гражданской войны в России. Традиционной является героизация событий Гражданской войны, получившая свое распространение еще в советский период истории. «Российской Вандеей», по аналогии с событиями Великой французской буржуазной революции, назвал Гражданскую войну в нашей стране Д. А. Волкогонов [1990: 78–79]. Однако следует отметить и «обратную сторону» историографии Гражданской войны – ее сведение к смуте, хаосу, катастрофе [Булдаков 1997].

Вот как описывает ситуацию Гражданской войны В. Д. Успенский: «Большими и малыми фронтами исполосована была Южная Россия весной 1918 г. Красные, белые, немцы, казаки, анархисты, повстанцы-самостийники, просто бандиты. Всюду своя власть, свои порядки. Причем каждая власть считала себя главной, самой справедливой, а в каждом постороннем видела врага, которого надо либо убить, либо запрятать в кутузку. Любая власть имела свою охрану, свои дозоры, сторожевые посты, и их было так много, что миновав один пост, непременно попадешь на другой» [Успенский 1989: 52].

Следует напомнить и так называемую «теорию заговора», согласно которой советская власть сама публично объявила народу гражданскую войну. Так, в одном из изданий читаем: «В мае 1918 г. председатель ВЦИК Я. М. Свердлов поставил перед органами власти задачу разжечь гражданскую войну в деревне, организовать и вооружить бедняков для удушения кулаков» [История... 2005: 485–486].

В последние десятилетия возникла и получила свое развитие трактовка событий Гражданской войны в контексте концепции повседневности [Нарский 2001]. Наконец, необходимо отметить и военно-историческую антропологию [Сенявская 1997; 1999].

Следует выделить и общие причины гражданских войн в разных странах. В первых, это колоссальная социально-экономическая дифференциация в обществе, рост нищеты на одном его полюсе и богатства – на другом. Имущественное рас-

слоение предваряет гражданские войны и становится одной из их причин, когда объявляется «мир хижинам, война дворцам».

Другой причиной гражданских войн является идеологическая непримиримость. Наличие различных идеологий, религий, культур оказывается порой связано с националистическими проявлениями, дискриминацией этнических меньшинств, представлениями о расовом превосходстве. Эти обстоятельства ничуть не меньше, чем названные выше, способствуют обострению социальной нестабильности и ее перерастанию в гражданские войны.

Не стоит сбрасывать со счетов и так называемый фактор демократии. Именно в демократических и светских странах в XX в. усиливается угроза распространения гражданских войн. Война за независимость басков в Испании, курдов в Турции, Ольстера против Лондона – это точно такие же гражданские войны, как и в других странах. Только с поправкой на «новую реальность»: с активным использованием всего доступного арсенала террористических и информационных технологий.

Симптоматично, что в Великобритании Шотландия проголосовала за суверенитет, Уэльс – за создание собственного независимого парламента и т. д. В Италии о независимости мечтает Венеция, в Испании до массовых уличных протестов и столкновений с полицией на почве сепаратизма дошла Каталония.

Будем ли мы в дальнейшем свидетелями «цивилизованного развода» в этих демократиях, сохранят ли они свою целостность мирными политическими средствами или мы станем очевидцами нового вида гражданской войны в XXI столетии – покажет будущее.

«Парад суверенитетов» (как в конце прошлого века называли стремление национальных республик к выходу из состава Советского Союза), борьба «малых» народов в других странах за независимость в условиях демократии создают не менее опасные, чем при тоталитаризме, условия для перерастания социальных противоречий в гражданские войны. И суть этой угрозы – национализм, который несет в себе опасность «превращения привязанности к своему – в ненависть к чужому» [Уткин 2002: 81].

Гражданская война – это *самая острая* фаза *непримиримого* конфликта объективных интересов разных социальных, политических и этнических сил, которая превращается в *вооруженную борьбу* между его участниками.

Вместе с тем гражданские войны несут на себе и специфические черты, отличия, обусловленные как разным уровнем политического и социально-экономического развития различных стран и цивилизаций, так и соотношением экзогенных и эндогенных факторов. Например, освободительное движение во многих странах, направленное против колониализма, можно рассматривать как своеобразные гражданские войны, поскольку они также осуществлялись в ситуации общественного раскола и жесткого противостояния разных политических и социальных сил. Уместно вспомнить и о том, что отдельные гражданские войны в средневековой Европе также были вызваны «всего лишь» религиозными причинами, а со временем превратились в масштабные «разборки» между соотечественниками. Поэтому идеология,неважно, религиозная она или светская, часто оказывается ничуть не менее важной доминантой гражданских войн, чем политика или экономика.

Данные примеры свидетельствуют о том, что соотношение *общего* и *особенного* в феномене гражданской войны может быть различным. Наряду с этим интересен и генезис гражданских войн.

Гражданские войны возникают не всегда во время политических кризисов и противостояний. Причинами таких войн могут быть и эпидемии, пандемии, голод, стихийные бедствия и т. п. Гражданские войны могут вспыхивать неожиданно и столь же быстро заканчиваться. Но в других случаях их причины могут созревать медленно, подспудно, и длиться такие войны могут годами, а то и десятилетиями. Примерами таких войн в XX в. могут служить гражданские войны в России (1918–1920), Югославии (1991–1999), Испании (1936–1939). Из более ранних примеров – гражданские войны в США (1861–1865), Колумбии (1884–1885), Крестьянская война в Германии (1524–1526).

Важной научной проблемой является реконструкция иерархии причин, вызывающих гражданские войны. Основными причинами таких войн чаще всего оказываются религиозные, политические и экономические проблемы. Но в последние десятилетия наблюдается усиление внешнего влияния (экономическая изоляция или иностранная интервенция) на генезис гражданских войн.

Такие внешние воздействия стимулируют дискриминацию отдельных категорий населения (трудовые мигранты, политические беженцы, представители национальных меньшинств и т. д.), усиливают девальвацию традиционных ценностей, расовую, этническую и иную сегрегацию. Апартеид, например, может стать точно такой же «побочной» причиной гражданской войны, как и массовая коррупция в государственном аппарате. Модный сегодня тезис об «исключительности американской нации» оставляет широкие возможности для нарастания социальных конфликтов в самих США, а не только за ее границами.

Дело в том, что активное участие в гражданских войнах могут принимать самые разные категории населения: рабы, аборигены, колонисты, люмпены, иностранные легионеры, интервенты (вооруженные силы других стран). Тем самым гражданская война приобретает своеобразный *гибридный* характер (не только в технологическом, но и в социальном аспекте).

Этот гибридный характер проявляется и внешне, в сочетании гражданских войн и революций, политических переворотов, внешней «помощи» и т. д. Наиболее ярким примером может служить Куба. Правительство Ф. Батисты, полностью утратившее поддержку среди собственного народа, длительный период времени сохраняло власть за счет внешней поддержки США, результатом чего стала гражданская война на Кубе в 1953–1958 гг. И наоборот, правительство Ф. Кастро, несмотря на колоссальное давление извне, сохраняло мир и стабильность в стране на протяжении многих десятилетий благодаря поддержке населения острова.

Другой пример влияния экзогенных обстоятельств на ситуацию – раскол страны извне, когда создается искусственный плацдарм для начала гражданской войны. Иллюстрацией такого механизма подготовки гражданской войны может служить организация сепаратных «выборов» в Сайгоне, когда, вопреки Женевским соглашениям, США в 1956 г. поддержали южновьетнамскую клику и отказались допустить общенациональные выборы [Громыко 1969: 203]. Южный Вьетнам постепенно стал превращаться в одну большую американскую военную базу. А затем последовали известные трагические события.

Борьба на Украине между киевской властью и Донецкой и Луганской республиками – это пример гибридной гражданской войны нового типа. Но далеко не все исследователи соглашаются называть эту ситуацию гражданской войной. Используется, например, более общий термин «конфликт», который рассматривается вне экономического контекста, с культурологического угла зрения и представляется исключительно как несоответствие разных социально-политических смыслов (украинской самостоятельности, принадлежности к российской культуре, нарратива русского мира, противопоставления демократии) [Матвеева 2017].

Сравнивая события, можно отметить, что, по существу, никакой принципиальной разницы между нынешней гражданской войной на Украине и той же Гражданской войной XIX в. в США нет. В Америке 24 северных штата выступили против 11 южных штатов, одной из причин конфликта стало нежелание последних отменить рабовладение. Другой причиной послужила приверженность северных штатов федерализму, а южных – конфедеративному устройству государства. В мировой истории это событие получило название войны Севера против Юга или войны против рабства. На Украине идет «война Запада и Востока», но она тоже «война против рабства», поскольку лишать коренное население права говорить на родном языке – это *изначальная* форма рабства. Да и дилемма «федерация – конфедерация» в этой стране отнюдь не снята с повестки дня.

Изначальной причиной гражданской войны на Украине стало то, что центральное правительство выступило *с применением оружия* против нескольких областей (части собственного народа), не пожелавших отказаться от русского языка и не захотевших проводить русофобскую политику. Но была и сугубо экономическая причина: значительный разрыв в социально-экономическом положении, уровне жизни жителей восточных и западных регионов Украины. Западные области (Винницкая, Житомирская, Ивано-Франковская, отчасти Львовская), по существу, находились на иждивении у восточных областей, где в основном сосредотачивалась промышленность страны. Напомним, что среди этих областей изначально были Харьковская, Одесская, Херсонская, Николаевская, Луганская и Донецкая, а также автономная республика Крым. В первых четырех областях с помощью кровавых «разборок» киевская власть пока удержалась. Но в трех остальных субъектах Украины она эту власть потеряла. Крым перешел в результате народного волеизъявления в состав Российской Федерации. Судьба Донецкой и Луганской областей оказалась трагичной и пока окончательно не решена. Но надежды «зачистить» восточные регионы силовым путем и таким образом завершить гражданскую войну на Украине представляются явно несбыточными.

Рост националистических, русофобских, экстремистских настроений и в США, и на Украине – это не новость. Еще в 60-х гг. XX в. в США наблюдался небывалый рост подобных настроений, приведший мир к Карибскому кризису (1962).

«Этот рост был порожден сложным переплетением социально-экономических, политических, социально-психологических факторов внутри страны, а также коренными изменениями на международной арене. Благоприятную атмосферу для распространения ультраправых настроений создавала общая моральная деградация американского общества, ведущая к росту цинизма и жестокости, расистским и шовинистическим предрассудкам, что облегчало многим неустойчи-

вым элементам поворот направо» [Никонов 1984: 138]. Сегодня все это повторяется на Украине.

Обострение международных отношений в нынешних условиях полностью напоминает ситуацию начала 60-х гг. XX в. Их деградация – это тоже трансформация новой реальности, только со знаком минус.

Ценой таких трансформаций могут стать не просто новые гражданские войны, но и распад и даже гибель конкретных государств, утрата ими собственной территории. Это в полной мере касается не только сателлитов США, но и их самих. Интересно, что некоторые штаты (Аляска, Гавайи, Калифорния, Техас, Флорида) периодически поднимают в прессе и в политических кулуарах вопрос о собственной независимости, а недавние события, связанные с разгромом памятников героям конфедератов в ряде городов, снова всколыхнули старые противоречия. Ни одна страна в мире, и США в том числе, не застрахована от гражданских войн.

Результатами гражданских войн чаще всего становятся территориальные потери. Так, по условиям Брест-Литовского мирного договора 1918 г. Россия вынуждена была передать Германии и Австро-Венгрии огромные территории (свыше 150 тыс. кв. км). Но этот договор просуществовал с марта по ноябрь 1918 г., ровно до тех пор, когда в самой Германии началась революция. Вскоре отданные территории были Россией возвращены.

Характерно, что в отличие от современной киевской власти советское правительство в 1918 г., в тяжелейшей для себя обстановке, не только полностью выполнило условия крайне тяжелого для него договора, но и продемонстрировало свои мирные намерения. Руководитель российской делегации на этих переговорах Л. Д. Троцкий, ярый сторонник мировой революции и милитаризма, тем не менее заявил: «Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и правительства. Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий» [Троцкий 1990: 150].

История свидетельствует о том, что если стороны не могут договориться о решении назревших кризисных противоречий и не приходят к согласию по поводу консенсуса политических ценностей, то тогда вооруженная борьба внутри общества неизбежно разрастается и приобретает признаки глобального характера. Проведем еще раз исторические параллели. В период Гражданской войны в США северные и южные штаты тоже надеялись на помощь извне, на поддержку Англии и Франции, у которых был свой интерес в Новом Свете, воспринимаемом ими как колония (источник сырья и даровой рабочей силы).

Именно в силу такой заинтересованности для американских судов с начала XIX в. действовал режим наибольшего благоприятствования даже в условиях знаменитой континентальной блокады. Еще в 1809 г. Наполеон I объявил, что «всякое американское судно, не осмотренное англичанами и не побывавшее в Англии, будет хорошо принято во французских портах» [Тарле 1958: 330]. Аналогичной была и позиция Лондона.

Исторические параллели обнаруживают определенную схожесть между событиями XIX и XXI столетий. В прошлом из-за колоний две крупнейшие европейские страны ввели санкции в отношении друг друга. Континентальная блокада – это такая же опция, как современные санкции, которые США и их европейские союзники пытаются использовать из-за конфликта на Украине по отношению

к России. Повод здесь – чисто формальный момент. Не было бы одного, обязательно нашелся бы другой. А делается это для того, чтобы дестабилизировать ситуацию внутри нашей страны, вызвать недовольство населения властью, добиться утраты поддержки и доверия со стороны населения в отношении органов власти. К чему это может привести в дальнейшем – вопрос риторический. Но результаты последних президентских выборов в Российской Федерации, когда В. В. Путин получил 76,69 % голосов избирателей, убедительно показали, что подобные надежды тщетны.

Следует признать как исторический факт, что существенные различия в механизме расшатывания ситуации прежде и теперь относительно малы: и в прошлом, и сейчас соперники рассчитывали на внутренних и внешних союзников (коллаборационисты и т. д.). Просто раньше не было термина «пятая колонна», сегодня он есть. Однако меняются не только термины, но и технологии. Меняется и соотношение главных факторов, способствующих возникновению гражданских войн. А это сказывается на их характере. При этом суть самих факторов, а значит, по большому счету, и суть генезиса гражданских войн остается прежней.

Кроме того, необходимо учитывать, что современный мир переживает новую промышленную революцию, переход к новому технологическому укладу и глобальную цифровую трансформацию. Это сказывается не только на информационной безопасности, но и на общей безопасности многих стран и народов. Данная трансформация «ведет к изменению технологий, организационных структур, моделей поведения людей» [Кефели, Колбаев 2017: 18].

Заключение

Анализ исторического опыта гражданских войн позволяет сделать два основных вывода.

Во-первых, гражданские войны при всем многообразии причин и факторов, которые их опосредовали, связаны с главным обстоятельством, которое мы назвали бы *утратой доверия* населения к власти. Понимание значимости этого фактора в сохранении социальной стабильности имеет ключевое значение. Ведь в конечном счете «даже главный закон страны – Конституция – в любом государстве олицетворяет собой доверие, которое граждане испытывают к власти» [Бурстин 1993: 525].

Доверие и связанный с ним авторитет власти – это ключевые факторы, детерминирующие социальный мир и социальную стабильность. Как когда-то очень точно подметил Н. Макиавелли, «всякий вид общежития, будь то религиозный культ, царство или республика, ни в чем так не нуждается, как в восстановлении своего первоначального авторитета, сохранении добрых порядков или достойных людей, которые могли бы об этом позаботиться» [Макиавелли 2017: 325].

По большому счету неважно, является ли доверие результатом рационального выбора или религиозного навыка, главное состоит в том, что «доверие является основой благополучия личности и общества» [Фукуяма 2004: 69].

Во-вторых, все гражданские войны начинаются с утраты властью своей *социальной ответственности* перед народом. Свидетельством такой утраты становится психология, согласно которой «лес рубят – щепки летят». Будь то классовая вражда в истории нашей страны за истекшее столетие или колоссальное социально-экономическое расслоение в современном российском обществе – все это яв-

ляется свидетельством девальвации социальной ответственности со стороны тех или иных представителей власти. Выступая от имени государства, отдельные его представители превращаются в бюрократию, которая монополизирует функцию власти и формирует свою собственную политическую экономию, реализует (максимизирует) собственные (отнюдь не государственные и не общенародные) интересы [Нисканен 2004: 477–478].

Следует отметить, что в современных условиях «рост индустриальных государств привел к систематической монополизации насилия, перевоплощению его в закон» [Тоффлер 2003: 66]. Несоответствие норм закона высшим духовным ценностям человеческого бытия только усугубляет проблему. Власть и закон в современных условиях нуждаются в глубоком нравственном очищении. Без этого социальные конфликты со временем будут только обостряться со всеми вытекающими из этого последствиями.

Тем самым становится необходимым осуществление закрепленной в Конституции РФ нормы о том, что государство является социальным (ст. 7). Существуют разные подходы к формированию такого типа государства [Основы... 2015: 211]. Но в контексте темы нашего исследования важен именно духовно-нравственный аспект. «Духовная атмосфера в социальном государстве должна характеризоваться развитым чувством гражданственности, социальной солидарности и гуманизма» [Гончаров 2010: 211].

В целом формирование социального типа государства представляет собой результат широкого исторического компромисса разнонаправленных политических и социальных сил, основанного на общих интересах [Храмцов 2007].

Только при этих условиях сама вероятность возникновения гражданских войн становится, если использовать правовую терминологию, ничтожной.

Литература

Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Т. 1 / ред.-сост. Ю. Фельштинский. М. : Терра, 1990.

Булдаков В. П. Красная Смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997.

Бурстин Д. Американцы: Национальный опыт. М. : Прогресс, 1993.

Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Политический портрет И. В. Сталина: в 2 кн. Кн. 1. Барнаул : Алтайское книжное изд-во, 1990.

Голдин В. И. Гражданская война в России и на Русском Севере: поиски новых подходов в изучении и перспективы исследования // Европейский Север в судьбе России: сб. ст. / отв. ред. А. В. Воронин. Мурманск : Изд-во МГПУ, 2006. С. 66–75.

Гончаров П. К. Социальное государство // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 2010.

Громько А. А. 1036 дней президента Кеннеди. М. : Политиздат, 1969.

Информационно-психологическая и когнитивная безопасность / под ред. И. Ф. Кефели, Р. И. Юсупова. СПб. : Петрополис, 2017.

История России с начала XIX века до начала XXI века: в 2 т. / под ред. А. Н. Сахарова. Т. 2. М. : Астрель, 2005.

- Кефели И. Ф., Колбаев М. О. К вопросу о становлении науки глобальной безопасности // Геополитика и безопасность. 2017. № 4(40). С. 15–21.
- Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938. М. : Прогресс, 1998.
- Макиавелли Н. Государь. СПб. : Азбука, 2017.
- Марков С. «Гибридная война» против России. М. : Алгоритм, 2015.
- Матвеева Н. Ю. Конфликт на Украине: социально-политические смыслы участников // История и современность. 2017. № 1. С. 158–176.
- Мехтиева Н. Р. Информационные войны как «цифровой» аспект глобализации // Век глобализации. 2017. № 3(23). С. 77–89.
- Нарский И. В. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001.
- Никонов В. А. От Эйзенхауэра к Никсону. Из истории республиканской партии США. М. : Изд-во МГУ, 1984.
- Нисканен В. Особая экономика бюрократии // Вехи экономической мысли: в 6 т. Т. 4. Экономика благосостояния и общественный выбор / под ред. А. П. Заостровцева. СПб. : Экономическая школа, 2004. С. 477–494.
- Основы социального государства / под ред. К. П. Стожко. Ч. 1. Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. эконом. ун-та, 2015.
- Репко С. И. Когнитивная война. М. : Академия геополитики, 2013.
- Сенявская Е. С. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М. : РОССПЭН, 1997.
- Сенявская Е. С. Психология войн в XX веке: Исторический опыт России. М. : РОССПЭН, 1999.
- Стожко Д. К., Благодатских В. Г. Роль западных держав в революционных событиях 1917 года (К 100-летию Октябрьской революции в России) // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2017. № 4(44). С. 36–42.
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Утв. Указом Президента РФ от 31.12.15 г. № 683) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/banc40391>.
- Тарле Е. В. Соч.: в 12 т. Т. 3. Континентальная блокада. М. : АН СССР, 1958.
- Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М. : АСТ, 2003.
- Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М. : Политиздат, 1990.
- Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. М. : Панорама, 1991.
- Успенский В. Д. Тайный советник вождя: в 3 т. Т. 1. М. : Прометей, 1989.
- Уткин А. И. Мировой порядок XXI века. М. : Эксмо, 2002.
- Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М. : АСТ, 2004.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003.
- Храмцов А. Ф. Социальное государство: практики формирования и функционирования в Европе и России // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 21–32.